

DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-11-22-33>

О проблемах и перспективах развития гуманитарных наук и гуманитарного образования в России

Воробьева Ольга Владимировна – канд. ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник.
E-mail: vorobushek1@yandex.ru

Институт всеобщей истории, Российская академия наук; Российский государственный гуманитарный университет; Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

Адрес: 119334, Москва, Ленинский проспект, 32а, ИВИ РАН

***Аннотация.** В статье представлены размышления о проблемах и возможных приоритетах развития гуманитарных наук и образования в России с учётом основных программных документов государства в сфере науки и образования. Автор полагает, что в этих документах недостаточно осмыслен т.н. социально-гуманитарный аспект функционирования науки и инноваций, за которым стоит комплекс проблем и возможностей, начиная от использования социальных и культурных знаний как одного из источников творчества и инноваций и заканчивая осуществлением прогнозов и форсайтов, экспертиз сценариев развития и управленческих решений, выявлением рисков и последствий в процессе нарастающего влияния научно-технического прогресса на природу, общество и человека; формированием ценностных ориентаций и образовательных перспектив. Отмечается, что в этой ситуации очень важен отход от преимущественно технократической трактовки результатов научно-технологического развития России на историческую перспективу, признание особого статуса социально-гуманитарных наук и гуманитарного образования как важнейшего ресурса противостояния ускоренному разрушению природы и общества, фактора познания, диалога и управления.*

***Ключевые слова:** социально-гуманитарные науки, гуманитарное образование, кризис гуманитарных наук, стратегии научно-технологического развития, приоритеты развития науки и инноваций, потенциал гуманитарных наук, форсайт*

***Для цитирования:** Воробьева О.В. О проблемах и перспективах развития гуманитарных наук и гуманитарного образования в России // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 11. С. 22–33.*

DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-11-22-33>

Гуманитарные науки в условиях современных вызовов

За последнее десятилетие появилось немало работ – как отечественных, так и зарубежных, – посвящённых незавидной судьбе гуманитарной науки и образования. Лейтмотивом этих публикаций является «кризис гуманитарных наук», который выражается в сокращении государственного финансирования гуманитарных наук и порой даже в призывах к отказу от их преподавания в пользу тех дисциплин, которые лучше со-

ответствуют потребностям современного общества [1, с. 93; 2, с. 15–18]; в обвинениях в бесполезности гуманитарных наук в силу невозможности оценить их деятельность в монетарном эквиваленте [3, с. 110]; в ориентации на подготовку узкопрофильных специалистов без широкой гуманитарной подготовки [4]. Всё это явления мирового порядка, но в нашей стране осложняющиеся дополнительными факторами, например,

идущей вот уже два десятилетия реформой науки и образования, от которой гуманитарии «страдают» гораздо больше естественников и технарей – закрываются научные гуманитарные фонды, уничтожаются кафедры и научные школы, сливаются и укрупняются вузы, в результате чего гуманитарные факультеты оказываются в маргинальной позиции.

Своеобразным маркером такого отношения к гуманитарным наукам можно считать отсутствие упоминания о них практически во всех программных документах РФ, так или иначе влияющих на регулирование сферы науки и образования. Речь идёт о «Приоритетных направлениях развития науки, технологий и техники в РФ» (2011) и особенно о нацпроекте «Наука» (2018). Исключение составляет «Стратегия научно-технологического развития РФ» (2016), где, по крайней мере, одним из приоритетов обозначена «возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учётом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук»¹.

Справедливости ради следует отметить, что столь пренебрежительное отношение к гуманитариям возникло не вдруг и не сегодня. В чём-то это можно считать проявлением «родовой травмы» этих наук, стремившихся в момент формирования доказать собственную «научную полноценность» и «практическую значимость» перед лицом естественников и технарей. В чём-то (например, в случае с нашей страной) это было связано с необходимостью быстро решать задачи модернизации страны, подготовки большого отряда инженерно-технических кадров. Отсюда возникший на рубеже 1950–60-х годов знаменитый спор физиков и лириков,

в котором гуманитарии явно проигрывали. Очевидно, были и другие факторы, которые неоднократно рассматривались в других публикациях [5; 6], но их анализ не входит в задачи данной статьи. Её предмет – специфика сегодняшнего кризиса и возможные перспективы развития этих наук, которые вырисовываются в этих условиях.

Особость современной ситуации заключается как в изменившемся контексте развития современной науки (глобализация, формирование «цифрового капитализма» со всеми вытекающими отсюда последствиями) и её задачах, так и в колоссальных последствиях её влияния на человека, общество и природу, что делает традиционное противопоставление инженера и гуманитария просто непродуктивным [6; 7]. Когда Big Data становятся частью жизни, гуманитарии просто не могут игнорировать «цифровой» дискурс, и наоборот: современные технари, создавая цифровое общество, всё больше натываются на социально-политическую «отдачу» этой «цифры» в обществе и в этих условиях вынуждены погружаться в гуманитарную рефлексию.

Проблема, однако, заключается в том, что на данный момент информационно-коммуникационные трансформации современного мира и приоритеты научно-технологического развития, как правило, *осмысливаются вне их гуманитарной компоненты*, в сфере интересов которой и находится формирование нового мышления, новых моделей поведения и деятельности, новых способов управления, а главное – нового типа личности (готовой к диалогу, восприимчивой к расширяющейся информационной среде, умеющей адаптироваться к быстроменяющимся условиям, способной к постоянному самообучению, творческому решению профессиональных и жизненных задач и т.д.). Не принимается во внимание и особый потенциал гуманитарных наук, который заключается не в утилитарности и практической полезности, а в возможности создавать то, что можно назвать *пространством крити-*

¹ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. URL: <http://www.youngscience.gov.ru/media/files/file/dVwMOeQ20sjrSsodEazQjnmICrTHSfh.pdf>

ческого мышления (у Гумбрехта – возможностью *рискованного мышления*, т.е. умением думать вне рамок) [4]. Другими словами, гуманитарные науки полностью раскрывают свой потенциал не тогда, когда стараются быть научными и практичными, а тогда, когда занимаются производством и накоплением разных способов мысли, постановкой новых вопросов и проблем, влияющих в конечном счёте на культуру и общественную среду, что позволяет им оставаться открытыми для перемен. В том числе это мышление направлено на самого человека, на его самонаблюдение и самопознание. Как справедливо заметил М. Эпштейн, «критическая сторона гуманитарности <...> разоблачение того, что естественным и общественным наукам представляется твёрдым, позитивным основанием объективности. Гуманитарные науки заняты демистификацией не только собственной научности, но и тех форм научности, на которые претендует физическое, физиологическое, экономическое знание о человеке. Конструктивная сторона гуманитарности – это построение новых знаков, означаемым которых становится сам гуманитарный субъект, человек, не столько открывающий нечто в мире объектов, сколько производящий собственную субъективность методами самоназначения и самообозначения» [8]. И если востребованность первой стороны точными и естественными науками кажется вполне очевидной, то важность второй проступает по мере увеличения числа попыток создания искусственной жизни и интеллекта.

Перспективы развития гуманитарного знания и образования в России

Собственно, эти две позиции (критическая и конструктивная) и определяют, на мой взгляд, возможные перспективы развития гуманитарных наук и образования.

Первая из них заключается в необходимости оперативного осмысления технологических оснований общественной жизни, за которыми стоит мощный конгломерат

проблем, связанных с нарастающим влиянием науки на общество в самых разных аспектах – от экономического и инновационно-технического до ценностного. Фактически все открытия в области генетики, фармакологии, информатики и в др. областях естественнонаучного и точного знания оказываются сегодня «заложниками» чисто гуманитарной проблемы – проблемы человека, воздействия кибер-, нейро-, биотехнологий на его природу, его образ в информационно-виртуальных полях. Гуманитарная наука обязана задумываться об этих последствиях, своевременно создавать сценарии и осуществлять форсайты для выявления перспективных приобретений и рисков.

Другими словами, в условиях современного научно-технологического прогресса и общественного развития все больше актуализируется проблема *социогуманитарной диагностики и экспертизы технологических проектов*, которые могут стать источником самых разнообразных конфликтов. В свою очередь, современные нейронауки и когнитивные подходы, натуралистические модели опираются на долгую традицию онучивания представлений об устройстве и предназначении индивида и общества. А наблюдаемый ныне поворот к взаимодействию с науками о природе явно нуждается в фундированном историко-социальном рассмотрении, что позволит предложить и обосновать прогноз взаимодействия гуманитарных и естественнонаучных подходов на ближайший период научного развития. Результатом этого взаимодействия может быть как создание новых теоретических подходов и языков описания, так и разработка практических решений, таких как прогнозирование и форсайт, оценка состояния общества (в том числе – через создание индексов), экспертиза возможных сценариев управленческих решений, разработка программ социально-экономического развития, формирование ценностных ориентаций и образовательных перспектив, оказание психологической по-

мощи населению и многие другие². Развитие данного направления в России крайне необходимо в ситуации малочисленности научных центров, специализирующихся на исследовании подобной проблематики, а также выраженного разделения гуманитарных и технических областей знания, что является очевидным анахронизмом, не соответствующим стремительно формирующейся материально и технологически насыщенной среде современного общества.

У данного аргумента есть ещё один разворот – проблема экспертизы. Можно наблюдать, как сегодня рождается особая категория экспертов, которые *определяют* и *переопределяют* острые ситуации и сценарии развития, *рекомендуют* принятие тех или иных серьёзных решений, *оценивают* их результаты, *ориентируют* рядового обывателя и потребителя, *типизируют* достижения и неудачи. Как особый тип знания, экспертные знания становятся важными и для специалистов самого высокого уровня, сталкивающихся с невозможностью охватить всю картину современного мира и полагающихся на мнения экспертов из других областей. Однако с появлением большого числа междисциплинарных проблем, развитием экспертных систем и компьютерного моделирования перекодировка информации становится сложнейшей интеллектуальной задачей. Здесь нужно не просто уметь ана-

литически обобщать знания, а *селективно обобщать быстро растущую информацию*. Кроме того, быстротечность перемен, возрастающая сложность и абстрактность современных систем жизнеобеспечения, жизнедеятельности и технологий, быстрое обновление фундаментальных основ и открытость горизонтов современного знания поднимают значение более *операциональных* и *репрезентативных* критериев оценки знания.

Следует, однако, признать, что в настоящее время институциональная основа для такой гуманитарной экспертизы в России отсутствует, равно как нигде не определены и не зафиксированы её принципы. Весьма проблематична и вузовская подготовка к экспертно-аналитическому виду деятельности. Проведённый недавно в рамках реализации гранта Президента РФ³ анализ ФГОС социально-гуманитарной группы показал практическое отсутствие такой подготовки в подавляющем большинстве направлений подготовки на всех трёх уровнях высшего образования, отсутствие понимания действующих здесь механизмов и средовых условий [10, с. 47–50]. Очевидно, что по окончании обучения бакалавр не может (и не должен) быть готов к проведению научной экспертизы (экспертно-аналитическую деятельность целесообразно рассматривать как обязательную начиная с уровня магистратуры), но если он готовится к исследованиям, он должен обладать, по крайней мере, навыками обобщения научной информации, необходимыми для осуществления любой экспертизы. Этот навык следует развивать на уровне магистратуры и аспирантуры, в том числе посредством экспертизы учебно-научных работ и осуществления мониторинга исследуемого сегмента по профилю научной специализации. Стало быть, перед системой образования встанёт вопрос о содержании и технологиях формирования экспертной

² Например, в последние десятилетия прошлого века всё громче зазвучали голоса, призывающие к иному взгляду на достижения и желательные направления движения стран, чем ВВП. Так, Комиссия по измерению экономической деятельности и социального прогресса во Франции отметила, что «пришло время переместить акцент ... с измерения экономического производства на измерение благосостояния людей» и предложила принять во внимание проблему устойчивого развития (*sustainable development*) [9]. Для решения этой задачи необходимо не только создание различных индексов состояния общества, но и разработка моделей, в которых связаны между собой переменные, относящиеся к различным сторонам социальной жизни.

³ Грант Президента РФ на развитие гражданского общества № 17-1-006957.

компетенции, которая очень тесно связана с исследовательской. Думается, здесь недостаточно чисто аналитических методов – нужна ещё и определённая структура взаимодействия (проектная / экспертная группа).

Не будем забывать и о том, что основой любой экспертной деятельности являются фундаментальные исследования. Иначе возникает разрыв между поставленными задачами (к тому же требующими быстрого решения) и глубиной проводимого анализа и предлагаемого решения, и этот разрыв чреват серьёзными последствиями. Не случайно ещё в середине позапрошлого века Роберт Кирхгоф говорил о том, что *нет ничего практичнее хорошей теории*⁴. Впоследствии этот тезис повторили многие крупные отечественные и зарубежные учёные, включая А. Эйнштейна, Н. Бора, Э. Резерфорда, Д. Менделеева, Г.П. Щедровицкого и других. П.А. Капица, в частности, полагал, что «во всех науках, как прикладных, так и чистых, теория является важнейшим составным элементом, и поэтому всякую науку мы можем рассматривать как теоретическую, так как в неё необходимо внедряется теория» [11]. То есть если мы хотим быть конкурентными и успешными, мы должны в первую очередь развивать фундаментальную науку. Да, фундаментальные исследования никогда не приносили быстрых и ощутимых дивидендов – они работают скорее на решение таких задач, значимость которых, в том числе в качестве задела на будущее для той же экспертизы, просматривается с отсроченным временным лагом. Например, английские математики середины XIX века, занимаясь формальной логикой, полагали, что занимаются чем-то совершенно абстрактным, но сегодня без неё невозможно представить работу современных компьютеров. Слабость современной российской науки, на мой взгляд, заключается в падении престижа фундаментальной науки и образования,

в разрыве этого важного интерфейса между прикладными и теоретическими исследованиями. Аналогичный тренд в сторону снижения мотивации к занятию фундаментальными науками и, наоборот, востребованности прикладных исследований фиксируется и у студентов [10, с. 183].

Конструктивная сторона гуманитаристики связана с интеллектуальным развитием человечества. По мере перехода к «обществу знания», «экономике знания» возрастает *роль знания о самом знании, его производстве, трансляции, рецепции и применении*. Всё более актуальным и востребованным становится анализ различных исследовательских логик, схем работы с материалом, разработка моделей их сочетания и применения. В результате вопрос, *как это сделано и почему это сделано так, а не иначе*, становится основным, конституируя дисциплинарную деятельность современных гуманитариев (вместо прежнего вопроса – *что сделано*, нацеленного на результат, а не процесс исследовательской деятельности). Поэтому центральным для проектов будущего развития науки, видимо, станет вопрос: *как именно организационные, институциональные инновации и организационные схемы могут дать «на выходе» действительное приращение знания, яркие идеи и продуктивные открытия?* Кроме того, такие практические области, как технологии, компьютеризация, правовая и политическая сферы, менеджмент, образование, требуют формирования навыков рационального мышления, «способности суждения», преодоления сопротивления рационально выстроенным, с просчитанными последствиями способам принятия решений. Отвечая на этот вызов, с конца 1970-х годов за рубежом активно развивается новое направление в логической науке – так называемая неформальная логика (и соответствующая учебная дисциплина), проходят конференции, выпускаются журналы, издаются монографии. В нашей стране всё это отсутствует. Обязательная в советское время учебная дисциплина «Логика»

⁴ Авторство Кирхгофа иногда оспаривается, наиболее вероятным автором считают И. Канта.

сегодня практически исчезла из вузовских программ (за исключением МГУ, СПбГУ, Балтийского федерального университета им. И. Канта, возможно, ещё нескольких вузов) как избыточный и практически ненужный продукт. Зато активно развивается теология, да ещё и с претензией на «науку всех гуманитарных наук». Всё это представляется совершенно неправильным и требующим позитивных изменений⁵.

Современные процессы глобализации и информатизации, помимо уже отмеченных особенностей, отличаются активным воздействием на сознание человека. Включение человека в процессы глобализации – это постоянное пересечение границ (реальных и виртуальных), локального и временного. Отсюда проблематизация такого понятия, как «идентичность». В условиях информационно и знаково устроенного мира человек постоянно оказывается в ситуации выбора и вынужден идентифицировать себя в этом пространстве, то включая, то исключая себя (выпадая) из некоего культурного порядка, гибко ориентируясь в быстроменяющемся обществе. Это обстоятельство является ещё одним аргументом в пользу востребованности социально-гуманитарного знания и образования, ведь именно они выполняют функцию ориентации человека в окружающем его мире, задают осознание корней, показывают прошлое и тем самым формируют направленность в будущее. Знание, полученное в науке, распространяясь по различным каналам, упрощаясь и адаптируясь, становится достоянием широких масс, для которых служит инструментом ориентации в современном мире международных, межконфессиональных, межэтнических и прочих отношений. Таким образом, акценты, расставленные в профессиональном социально-гуманитарном знании, оказываются идеологическим средством воздействия на

население. При этом воздействие оказывает даже не само это знание, а его интерпретация и использование группами, контролирующими каналы его распространения. Тем не менее творцы знания несут ответственность за его проверенность и надёжность. Более того, порой социально-гуманитарное знание создаётся фактически по идеологическому заказу путём принятия во внимание некоторых аспектов проблемы при игнорировании других. Такого рода идеологические аспекты могут касаться создания того или иного – позитивного или негативного – образа отдельных народов, личностей, институтов или эпох. Однако они могут касаться и образа человека вообще. Например, очевидна роль психологических и психоаналитических теорий в конструировании в обществе тех или иных образов человека. Развитие социально-гуманитарной науки в этом направлении не только даёт обществу представление об опасностях, но и помогает найти пути их преодоления, т.е. возникает своеобразная «управляемость развития».

Другая, не менее существенная сторона проблемы заключается в том, что социогуманитарные науки сами по себе изучают процессы формирования человеческих личностей и систем ценностей и имеют возможности создания инструментов воздействия на эти процессы. Особенно отчётливо это обстоятельство присутствует в сфере образования. Таким образом, встаёт вопрос о том, чтобы использовать эти средства так, «чтобы не разрушать искусственным насаждением инокультурных стереотипов, ценностей и мифов естественно-историческую ткань родной культуры, а наоборот, предпринимать осознанные и в высшей степени delicate шаги по укреплению достоинства, самосознания и самостояния ... человека» [12, с. 75]. Полагаю, что решение невозможно без комплексного взаимодействия представителей всех социально-гуманитарных наук (историков, социологов, культурологов, филологов), в том числе в проблемном поле пока что слабо развитой в России

⁵ Выражаю огромную благодарность И.Н. Грифцовой за экспертное интервью, в ходе которого она обозначила «болевые» проблемы логики как науки и учебной дисциплины в нашей стране.

социальной антропологии. Ещё одна важная задача в этом проблемном поле – готовить специалистов для изучения существующих в стране многочисленных социальных групп и объединений – формальных и неформальных, в частности профессиональных, национальных, религиозных, возрастных и пр., так или иначе воздействующих на процесс идентификации человека.

Всё это свидетельствует о том, что в странстве современного социально-гуманитарного знания наблюдается очевидный дефицит, связанный с исследованиями в области культуры. Во-первых, речь должна идти об изучении функционирования культурных институций, механизмов производства и потребления культурной продукции: книг, фильмов, произведений изобразительного искусства и т.д. Центральным здесь является вопрос о том, каким образом происходит рецепция культурной продукции зрителями, читателями, слушателями и можно ли управлять этим процессом. Во-вторых, в России весьма слабо развит целый ряд сегментов истории современной культуры, находящихся на стыке, с одной стороны, с политической историей (например, исследования разных форм коммеморации), с другой – с различными направлениями в социологии и истории повседневности (исследования потребления, туризма, городской культуры и т.д.). Необходимым условием развития этих проблемных полей является взаимодействие гуманитарных дисциплин (истории, философии и т.д.) с социальными науками (социология, городские исследования, экономика и др.). Это взаимодействие способствовало бы как разработке теоретических моделей, так и практической их апробации, являющейся условием их гибкого применения к разнообразному материалу. В-третьих, крайне медленно и пока не очень эффективно развиваются в нашей стране так называемые «публичные науки», которые к тому же практически не опираются на фундаментальные исследования. На самом деле это даже не науки, а прикладные профессии,

весьма востребованные в мировой практике (см., например, [7]). Их развитие находится в прямой зависимости от институциональной структуры (следует за ней). В России публичные профессии институционально пребывают в плачевном состоянии: нет профессиональных сообществ, нет журналов, почти нет учебных программ, в то время как в Европе и США публичная социология, публичное право, публичная история и многие другие выделились в отдельные профессии, а учебных программ только по одной публичной истории – сотни. Сложность заключается в том, что ответы гуманитариев на такой запрос требуют от них *дополнительных умений работать в публичной среде*. А это предполагает постановку и разработку новых тем, пересмотр приоритетов, выработку нового языка, новых подходов (коммуникационные исследования и др.). При этом речь идёт не просто о формировании новых компетенций, а об изменении самого *характера взаимоотношений профессионального гуманитарного знания и общества*, а также самого гуманитарного образования, в том числе потому, что именно университеты являются инициаторами большинства публичных дискуссий, именно их деятельность направлена на поддержание особой академической культуры, характеризующейся свободной рефлексией, анализом и критикой всех значимых сфер публичной жизни [1; 5; 13–15].

Для сферы образования появление глобализирующегося постиндустриального, информационно-коммуникативного общества имеет принципиальное значение в том смысле, что оно меняет характер мышления и тип культурных ориентаций человека. Постиндустриальные изменения по своей сути оказываются *гуманитарными*, вследствие чего образование во всём мире уже переживает и, видимо, дальше будет переживать гуманитарные трансформации. В индустриальном обществе сформировался тип мышления, особость которого определялась тем, что вся система человеческого знания переводилась на язык естественнонаучных понятий и

задавалась научной рациональностью. Этот тип мышления был санкционирован классической философией, предполагающей метафизическую заданность. Последняя, связывая трансцендентальную область пусть с предельными, но все же основаниями сущего, способствовала введению в мышление *предметности в форме объекта*, выступающей в форме всеобщности. Такое мышление по поводу предметно закрытой реальности – по своей сути не гуманитарное мышление. Оно не свободно в своих человеческих характеристиках, т.к. занято не собой, а внешними обстоятельствами. Современное образование, напротив, предлагает мыслить не по поводу предметного сущего, а по поводу того, как это сущее даётся человеку, т.е. по поводу самого мышления. Это и есть гуманитарное мышление. Стало быть, гуманитарный поворот в мышлении – это всё тот же *поворот от предметности к рефлексивности*.

Отмеченное выше влияет на всю систему образования, которое становится гуманитарным, т.е. переориентируется со сферы предметного знания, которое требовало энциклопедического усвоения основ наук, на *культуры языка и мышления* по поводу конкретных учебных дисциплин. Важно, что такое понимание образования не требует насыщения его разнообразными гуманитарными дисциплинами, между которыми осуществляется взаимодействие. Гуманитаризация образования означает, что целью его является формирование особой культуры критического мышления (по поводу физики, математики, истории и т.д.). Без этого важного условия преподавание даже гуманитарных дисциплин является негуманитарным, поскольку обращает мысль к содержательной предметности, а не к процессуальной работе самого сознания. Получается, что гуманитарность – это даже не только и не столько профессия, сколько, говоря словами О.И. Генисаретского, *трансфессия*, т.е. практика, выводящая субъекта за пределы какого-либо предмета, открытая сетевая структура (см. [16]).

К сожалению, приходится признать, что российские университеты пока что не очень успешно отвечают на вызовы времени. В значительной мере это связано с исчерпанностью советского варианта высшего образования, в котором университеты были скорее вузами, т.е. государственными и бюрократическими по своей организации и функционированию учреждениями, нежели собственно университетами, т.е. институциями, обладающими академической автономией. Соответственно, цели и приоритеты обучения до сих пор задаются органами государственной власти и определяются общеполитической конъюнктурой: сегодня – информатизация, завтра – цифровизация и т.д. Основная функция университетов – трансляция культуры и знаний, проведение исследований, воспитание элиты (не бюрократической, а, так сказать, хранителей и ретрансляторов культуры) – по-прежнему сведена к минимуму [5, с. 37–38]. Отсюда сугубо инструменталистская установка на подготовку выпускников только определённого профиля (без широкой гуманитарной подготовки); авторитарный характер процесса обучения (с предметным, теоретическим и методологическим консерватизмом); преобладание лекционных занятий над семинарскими и спецкурсами (нацеленными скорее на воспроизводство устоявшихся знаний, чем на формирование критического мышления); жёсткие перегородки между факультетами (не позволяющие студентам самим выстраивать свои образовательные траектории); отсутствие механизмов связи с рынком труда (естественный, а не искусственный способ определения востребованных профессий). И дело вовсе не в отсутствии в современной России соответствующих реформ⁶ – дело в их несистемном характере, попытках проведения их по традиции сверху, без опоры на экспертное мнение с последующим широким общественным обсуждением [20]. Проблема

⁶ О реформах и их последствиях, чаще всего негативных, написано немало [17–19].

также в самой антропологии образования, т.е. в характере отношений, которые складываются в процессе обучения.

Вместо заключения

Подведём черту под обозначенными выше позициями и аргументацией. На рубеже XX–XXI вв. кардинально меняется характер современного мира и культуры. Их значимой чертой является движение в сторону глобального, информационного, коммуникационного, био-нано-технического развития, которое в науке создаёт устойчивое ощущение уже не просто развития, а события изменения самого *стро́я мысли* (заданного сложившимися ранее и упорядоченными мыслительными конфигурациями), не выводимого напрямую из предшествующей интеллектуальной ситуации и требующего повышенной рефлексии. В этой ситуации очень важен *отход от преимущественно технико-экономического понимания приоритетов и результатов научно-технологического развития России* на историческую перспективу.

Осознавая это, российские гуманитарии всё чаще пытаются обратить внимание руководства страны на необходимость признания особого статуса социально-гуманитарных наук как важнейшего и безальтернативного ресурса противостояния технологически ускоренному разрушению природы и общества, фактора познания, диалога и управления в российских и мировых научных проектах. Одной из ключевых задач научно-технологического развития России является *повышение уровня гуманитарной культуры* российского общества, поддержка развития гуманитарных технологий как инструментов целенаправленного влияния гуманитарного знания и его ресурсов (знания потребностей, интересов, мотивов поведения человека) на человеческую, прежде всего – информационно-коммуникативную, деятельность (см. [21]). В том числе выстраивание отношений доверия между наукой и обществом, повышение

научной и культурной информированности и компетентности граждан.

Такое признание поможет, с одной стороны, сохранить и развить прежние достижения, а с другой – провести оптимальные изменения и пересмотр существующих приоритетов в области науки и образования, модернизацию образовательных и академических структур. При этом важно сознавать, что обозначенные в статье (и возможные другие) направления развития гуманитарного знания и образования должны найти отражение не только в содержательных (использование возможностей гуманитарного мышления, опора на принципы гуманитарного мировоззрения), но и в организационно-институциональных решениях, а именно – в создании гуманитарных исследовательских центров, в изменении структуры гуманитарного образования, приоритетных направлений грантовой политики и др. Как справедливо заметила М. Нуссбаум, «пока мы сами не поймём, к чему стремиться, мы не сумеем передать это знание тем, кто в нём нуждается» [2, с. 27].

Литература

1. Коллини С. Характер гуманитарных наук // Коллини Стефан. Зачем нужны университеты? / Пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. 264 с. С. 93–123.
2. Нуссбаум М. Не ради прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки / Пер. с англ. М. Бендет. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 192 с.
3. Иглтон Т. Медленная смерть университета / Пер. с англ. Е. Бучкина // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. № 2. С. 109–112.
4. Галёна Е., Гумбрехт Х.У. «Башня из слоновой кости»: О будущем гуманитарного образования / Пер. с англ. Е. Галёны // Новое литературное обозрение. 2016. № 2 (138).
5. Гудков А.Д. Кризис высшего образования в России: конец советской модели // Мониторинг общественного мнения. 1998. № 4 (36). С. 32–45.
6. Либерман С. Как цифровой капитализм съел гуманитариев и технарей. URL: <https://>

- discours.io/articles/theory/kak-tsifrovoy-kapitalizm-sel-gumanitariyev-i-tehnarey
7. О ценности гуманитарных наук. URL: <http://gefter.ru/archive/6539>
 8. Эпштейн М. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. М.: НЛО, 2004. URL: [https://www.hse.ru/data/2011/05/30/Эпштейн Михаил-Знак пробела](https://www.hse.ru/data/2011/05/30/Эпштейн%20Михаил-Знак%20пробела)
 9. Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress, Paris: The Commission, 2009.
 10. Исследователь XXI века: формирование компетенций в системе высшего образования / Отв. ред. Е.В. Караваева. М., 2018. 240 с.
 11. Капица П.А. О науке и её организации в СССР. http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/KAPITZA/KAP_03.HTM
 12. Бондаренко А.Ф. Психотерапия: тип социальности и сетевой маркетинг // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 1. С. 68–76.
 13. Гумбрехт Х.У. Ледяные объятия «научности», или Почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть «Humanities and Arts» // Новое литературное обозрение. 2006. № 5 (81).
 14. Идея университета: вызовы современной эпохи (круглый стол) // Высшее образование в России. 2012. № 7. С. 35–63; № 8–9. С. 26–43.
 15. Копосов Н. О реформе исторического образования в России // Фонд либеральная миссия. 2009.14.04. URL: <http://www.liberal.ru/articles/2012>
 16. Воробьева О.В. О современном состоянии и перспективах развития гуманитарного знания: взгляд историка // Преподаватель XXI век. 2016. № 4. С. 162–173.
 17. Карелин В.М. Гуманитарное образование и демократическая утопия (по страницам книги Марты Нуссбаум) // Высшее образование в России. 2017. № 4 (211). С. 76–87.
 18. Красинская Л.Ф. Модернизация, оптимизация, бюрократизация... Что ожидает высшую школу завтра? // Высшее образование в России. 2016. № 3. С. 73–82.
 19. Сенашенко В.С. О реформировании отечественной системы высшего образования: некоторые итоги // Высшее образование в России. 2017. № 6. С. 5–15.
 20. Ивахненко Е.Н. Отечественное образование как система и объект управления // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 8/9. С. 9–23.
 21. Чубарьян А.О., Исэров А.А. Большая история: От Большого взрыва до глобализации. О приоритетах развития гуманитарных и общественных наук в России // Независимая газета. 2018. № 4.
- Благодарности.** Статья выполнена в рамках проекта № 33.4122.2017/ПЧ, поддержанного Министерством образования и науки РФ.
- Статья поступила в редакцию 25.07.19
После доработки 06.08.19; 23.09.19
Принята к публикации 12.10.19*

About Problems and Prospects of Humanities and Humanitarian Education in Russia

Olga V. Vorobieva – Cand. Sci. (History), Leading Researcher; Assoc. Prof., Theory and History of Humanitarian Knowledge, e-mail: vorobushek1@yandex.ru

Institute of World History, Russian Academy of Science; Russian State University for the Humanities; State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

Address: 32a, Leninskiy prospect, Moscow, 119334, Russian Federation

Abstract. The article presents reflections on the problems and prospects of humanities and humanitarian education in Russia, taking into account the basic program documents of the Russian state in the field of science and education. The author believes that in these documents the so-called social and humanitarian aspects characterizing functioning of science and innovations are insufficiently thought out. Meanwhile, these aspects reveal a powerful conglomerate of problems and opportunities – from the use of social and cultural knowledge as one of the sources of creativity and

innovation, to the the implementation of forecasts and foresight, expert perception of development scenarios and managerial decisions, identifying risks and consequences in the process of increasing influence of science on nature, society and man, formation of value orientations and educational prospects. It is noted that in this situation it is very important to move away from a predominantly technocratic and economic understanding of the priorities and results of the scientific and technological development of Russia for a historical perspective, to avoid reducing information about the progress of a person, society, and the state to technological and economic criteria; to recognize a special status of Humanities, social sciences, and education as the most important resource confronting the technologically accelerated destruction of nature and society, to view them as a factor of cognition, dialogue and management.

Keywords: humanities, humanitarian science, social science, humanitarian education, crisis of humanities, strategies of scientific and technological development, priorities for the development of science and innovation, potential of humanitarian science, foresights

Cite as: Vorobieva, O.V. (2019). About Problems and Prospects of Humanities and Humanitarian Education in Russia. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 28, no. 11, pp. 22-33. (In Russ., abstract in Eng.)

DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-11-22-33>

References

1. Collini, S. (2012). *What are Universities for?* Penguin, 240 p. (Russian translation by D. Kralechkin, sci. ed. A. Smirnov; National Research University "Higher School of Economics". Moscow: HSE Publ., 2016, 264 p.)
2. Nussbaum, M.C. (2010). *Not For Profit. Why Democracy Needs the Humanities*. Princeton University Press, 184 p. (Russian translation by M. Bendet. Moscow: HSE Publ., 2014. 192 p.)
3. Eagleton, T. (2016). The Slow Death of the University (Trans. from English by E. Buchkina). *Alma mater. Vestnik vysshei shkoly = Alma Mater. Higher School Herald*. No. 2, pp. 109-112 (In Russ.)
4. Galena, E., Gumbrecht, H.U. (2016). "Ivory Tower": On the Future of Humanities (Trans. from English by E. Galena). *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review*. No. 2 (138). (In Russ.)
5. Gudkov, L.D. (1998). [The Crisis of Higher Education in Russia: The End of the Soviet Model]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya = Public Opinion Monitoring*. No. 4 (36), pp. 32-45. (In Russ.)
6. Liberman, S. (2019). *Kak tsifrovoy kapitalizm s"el gumanitariy i tekhnarey* [How Digital Capitalism Ate the Humanities and Techies]. Available at: <https://discours.io/articles/theory/kak-tsifrovoy-kapitalizm-sel-gumanitariy-i-tehnarey> (In Russ.)
7. Barney, D., Barsky, R., Cumming, J., Friedman, E.H., Hitchcock, P., Holquist, M., Ivey, W., Jemtrud, M., Manderson, D., Schoenfeld, M., Straw, W., Tichi, C., Kenan, W.R., Yachnin, P., Yetter, L. (2012). The Worth of the Humanities. Available at: <http://ejournals.library.vanderbilt.edu>
8. Epshtein, M. (2004). *Znak probela: o budushchem gumanitarnykh nauk* [Space Sign: The Future of the Humanities]. Moscow: NLO Publ. Available at: [https://www.hse.ru/data/2011/05/30/Эпштейн Михаил-Знак пробела](https://www.hse.ru/data/2011/05/30/Эпштейн%20Михаил-Знак%20пробела) (In Russ.)
9. Stiglitz, J., Sen, A., Fitoussi, J. (2009). *Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. Paris: The Commission, 2009. Available at: http://www.communityindicators.net/system/publication_pdfs/9/original/Stiglitz_Sen_Fitoussi_2009.pdf?1323961027

10. Karavaeva, E.V. (Ed). (2018). *Issledovatel' XXI veka: formirovanie kompetentsiy v sisteme vysshego obrazovaniya* [Researcher of the XXI century: The Formation of Competencies in Higher Education]. Moscow, 240 p. (In Russ.)
11. Kapitsa, P.L. (1935). *O nauke i ee organizatsii v SSSR* [On Science and Its Organization in the USSR]. Available at: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/KAPITZA/KAP_03.HTM
12. Bondarenko, A.F. (2006). [Psychotherapy: Type of Sociality and Network Marketing]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey sholy ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 3, no. 1, pp. 68-76. (In Russ.)
13. Gumbrecht, H.U. (2006). [The Icy Embrace of “scientificness,” or Why is it Preferable for the Humanities to Be “Humanities and Arts”]. *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review*. No. 5 (81). (In Russ.)
14. The Idea of the University (2012). Challenges of the Modern Era (Round Table). *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 7, pp. 35-64; No. 8, pp. 26-43 (In Russ.)
15. Kuposov, N. (2009). [About the Reform of Historical Education in Russia]. *The Liberal Mission Foundation*. April 14. Available at: <http://www.liberal.ru/articles/2012> (In Russ.)
16. Vorobieva, O.V. (2016). [Current State and Prospects of Development of Humanitarian Knowledge: A Historian's Viewpoint]. *Prepodavatel XXI vek = Teacher of XXI Century*. No. 4, pp. 162-173. (In Russ., abstract in Eng.)
17. Karelin, V.M. (2017). Education in the Humanities and the Democratic Utopia of Martha Nussbaum. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 4 (211), pp. 76-87. (In Russ., abstract in Eng.)
18. Krasinskaya, L.F. (2016). Modernization, Optimization, Bureaucratization... What Awaits Higher School Tomorrow? *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 3 (199), pp. 73-82. (In Russ., abstract in Eng.)
19. Senashenko, V.S. (2017). On the Reforming of National Higher Education System. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 6 (213), pp. 5-15. (In Russ., abstract in Eng.)
20. Ivakhnenko, E.N. (2018). Domestic Education as a System and an Object of Management. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 27, no. 8/9, pp. 9-23. (In Russ., abstract in Eng.)
21. Chubaryan, A.O., Iserov, A.A. (2018). [Great History: From the Big Bang to Globalization. On the Priorities of the Humanities and Social Sciences Development in Russia]. *Nezavisimaya Gazeta* [Independent Newspaper]. No. 4. (In Russ.)

Acknowledgments. The article is prepared within the project № 33.4122.2017/PM supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

The paper was submitted 25.07.19

Received after reworking 06.08.19; 23.09.19

Accepted for publication 12.10.19